

Цан Нуо держал в руке полоску рваной простыни, подняв раненую руку в воздух. Кинжал Императора был необычайно острым, рана оказалась глубокой, кровь непрерывно сочилась наружу. Однако Цан Нуо, казалось, вовсе не обращал на это внимания: зажав край ткани зубами, он умело принялся бинтовать порез. Не глядя на рану, он скосил глаза на Императора и с усмешкой спросил:

— Ты боишься крови?

Уголки его губ при этом приподнялись в улыбке.

Император, застигнутый врасплох таким вопросом, машинально ответил:

— Я — Сын Неба, я ничего не боюсь.

Цан Нуо насмешливо покачал головой, отчего ткань в зубах качнулась, и рассмеялся:

— Ты снова твердишь мне про «Я, Император». Чжэн-эр звучит куда приятнее. Мне так хочется услышать от тебя: Чжэн-эр не боится, Чжэн-эр проголодался, Чжэн-эр...

Из-за зажатой в зубах ткани его слова звучали невнятно, но Император без труда уловил смысл. Слыша, как тот несет этот вздор, полагаясь лишь на свои фантазии, он помрачнел и еще крепче сжал рукоять кинжала.

Большинство киданьских вельмож мало чем отличались от простолюдинов: они не придавали особого значения ритуалам и сословным различиям.

Цан Нуо продолжал болтать, пока не осознал, что рана еще не перевязана. Опустив голову, чтобы сделать еще один виток ткани, он не удержался и снова взглянул на Императора, внезапно прошептав:

— Раз ты не боишься крови, почему бы тебе не подойти ближе?

Услышав этот нежный, низкий, хриловатый голос, Император невольно вспомнил события минувшей ночи. Его охватило жаркое пламя, словно само дыхание этого человека вновь коснулось его. Раскаленный поток, подобно расплавленной лаве, ударил из подошв прямо в горло, и лицо Императора едва не вспыхнуло от стыда.

Это было в высшей степени постыдно.

— Чжэн-эр?

Несмотря на множество обид между ними, как же этот Цан Нуо умудрялся называть его так доверительно?

— ...

— Чжэн-эр? — не унимался тот, продолжая звать.

— ...Хорошо.

Император нерешительно сделал шаг вперед, остановился, словно проверяя, безопасен ли путь, и, наконец, спокойно подошел ближе.

Цан Нуо, не ожидавший, что он действительно подойдет, пришел в восторг. Забыв о своей ране, он вскинул округлые глаза, полные радости, и, глядя на то, как Император сдержанно приближается, проговорил:

— Чжэн-эр, сегодня ты так добр ко мне.

Император остановился прямо перед ним. Уголок его рта дернулся, будто пытаясь улыбнуться:

— Хорошо, я добр к тебе...

Лицо его внезапно окаменело, покрывшись инеем. В то же мгновение он вложил всю силу в кисть руки и, рассекая воздух, метнул кинжал прямо в грудь Цан Нуо.

Цан Нуо вскрикнул: «Ой!», но холодный блеск уже был перед глазами. Он сидел на кровати, Император стоял совсем близко, и кинжал вонзился сверху — уклониться было невозможно. К счастью, Цан Нуо обладал молниеносной реакцией: в долю секунды он опустил голову и открыл рот, умудрившись крепко зажать лезвие кинжала ослепительно белыми зубами. Однако от удара десны пронзила острая боль.

Поняв, что Император действительно хотел его убить, Цан Нуо разозлился. Даже не закончив перевязку, он поднял голову с зажатым в зубах кинжалом, его взгляд стал жестким, а глаза сверкнули свирепым огнем.

Девятый и Пятый Владыка, который минувшей ночью так настойчиво сжимал его в объятиях, явно не ожидал, что тот так легко увернется, и на его красивом лице отразилось изумление.

Вчера было слишком темно. Сейчас же, при ближайшем рассмотрении, его прозрачная, словно снег, кожа, обрамленная глубокими, сияющими зрачками, вызвала странное восхищение. Несмотря на легкое беспокойство, в нем по-прежнему чувствовалось то благородство и безмятежность, которые так притягивали взгляд.

Жаль только, что за один день он стал еще стройнее.

Впрочем, неважно, худой он или полный, к нему все равно тянуло.

Если в будущем доведется быть ближе, пусть лучше немного поправится — так его обнимать будет гораздо удобнее.

Император, изначально нанесший удар в порыве ярости, внезапно похолодел, встретившись взглядом с глазами Цан Нуо, которые, казалось, не сулили ничего хорошего.

Почему я повел себя так опрометчиво? Зачем бросился в атаку?

Даже если бы я пронзил ему сердце, разве кидани оставили бы это без последствий?

А если промахнусь — беды не миновать.

Стоило ему столкнуться с пронзительным взглядом Цан Нуо, как сердце Императора забилось в бешеном ритме. Он едва не отступил, но гордость правителя заставила его выпрямиться и холодно смотреть в ответ.

К его удивлению, взгляд Цан Нуо, поначалу суровый, постепенно смягчился. Гнев на его лице исчез, сменившись нежностью, и он принялся зачарованно разглядывать Императора.

Тот поначалу не понял, что происходит, но, видя, что враг не атакует и не злится, опешил. А когда заметил, что Цан Нуо не сводит глаз с его шеи, по спине пробежал холодок. Лицо Императора сначала залилось краской, а затем побледнело. Понизив голос, он гневно рявкнул:

— Не смей смотреть!

Он знал, как унижительно это выглядит, но не удержался и поднял руку, прикрывая открытый участок шеи.

Цан Нуо, получив выговор, послушно отвел взгляд. Улыбаясь с довольным видом, он опустил голову и принялся за свою несчастную рану.

Подозревая подвох, Император отступил на два шага и холодно наблюдал за ним.

Через некоторое время его сердце успокоилось, дыхание выровнялось. Он произнес, тщательно взвешивая каждое слово:

— Сегодня я тебя прощаю. А теперь — вон в Резиденцию киданей! Завтра... нет, сегодня же вечером я издам указ, чтобы вы покинули столицу. Слушай внимательно: ты совершил преступление, караемое смертью, но ради мира между нашими государствами я дарую тебе жизнь.

Пока он говорил, Цан Нуо успел быстро перевязать рану. Похоже, он часто бывал ранен, так как повязка легла аккуратно.

— Мир между государствами? — бросил Цан Нуо. — Ты не хочешь войны, и я не хочу. Иначе зачем бы я просил своих друзей из Срединных земель похитить меня сегодня утром? Только чтобы избавить тебя от затруднений. Если бы меня бросили в вашу темницу, мой отец-князь пришел бы в ярость. Даже если бы меня тут же отпустили, лицо киданей было бы потеряно, и войны не миновать. А что касается войны — кидани не боятся Небесную Династию. У вас много

солдат, но и трусов среди них немало.

Император, услышав, что тот позволил себя похитить ради него, удивился, но слова о «трусах» привели его в ярость:

— Кто сказал, что наши солдаты боятся смерти? У бесстрашного Императора всегда будут бесстрашные генералы и воины. Вы, кидани, считаете свою армию непобедимой? Небесная Династия не жаждет крови, но если враг подойдет к нашим дверям, мы не склоним голову.

Цан Нуо промолчал.

Разговор оборвался, воцарилась тяжелая тишина, словно гнетущий груз на сердце.

Цан Нуо сидел, опустив голову, и Император не мог разглядеть выражения его лица. Он не знал, какие коварные планы зреют в голове этого варварского принца.

Что, если он сейчас нанесет удар, убьет его и сбежит из дворца? А затем пошлет весть киданям, чтобы они атаковали, пока Небесная Династия обезглавлена?

А если он вернется на родину и начнет настраивать своего князя против него?

Хуже того, что, если этот подлец разболтает всем о том, что произошло прошлой ночью? Тогда его, Девятого и Пятого Владыку, ждет позор и единственный путь — самоубийство. Но даже тогда, перед лицом предков, как он посмеет явиться к ним, опозорив династию? Чем больше Император думал, тем больше ужасался, проклиная себя за невыдержанность.

Цан Нуо внезапно поднял руку и слегка похлопал по кровати рядом с собой.

Император не понял, чего тот хочет, и остался стоять на месте.

— Сядь сюда.

Император нахмурился:

— Я не хочу сидеть.

Цан Нуо снова замолчал.

Они стояли друг напротив друга: один сидел, другой стоял; один молчал, опустив глаза, другой хмурился. У каждого на душе был ворох мыслей.

Цан Нуо снова похлопал по постели.

Император с раздражением повторил:

— Я же сказал, не хочу садиться.

— Я разговариваю только с Чжэн-эром, а не с Императором, — буркнул Цан Нуо. — Если не подойдешь, я уйду. Я знаю, что ты меня ненавидишь и хочешь убить. Но я не хочу ни убивать

тебя, ни умирать от твоей руки, поэтому лучше нам больше не видеться.

Император подумал: «Убирайся как можно дальше, лучше вообще никогда не возвращайся в Небесную Династию».

Цан Нуо продолжил:

— Хотя мы больше не увидимся, я буду думать о тебе каждый день, сотню раз на дню. И каждый раз, вспоминая о тебе, я буду чувствовать боль в сердце. Ты в этом дворце, как ягненок, лишившийся матери, и никто к тебе не добр. Если и я уйду, что с тобой станет? Впрочем, неважно, это моя вина, пусть я лучше умру от тоски. Просто... просто ты такой одинокий.

Он говорил медленно, сбивчиво, неся какую-то чепуху, которую и слушать-то было неприятно. Все эти легкомысленные слова о том, что он будет «думать каждый день», это сравнение с «ягненком»... Император с трудом сдерживал гнев, но к концу речи его сердце дрогнуло. Слово «одинокий» пронзило его, словно тонкая игла, оставив необъяснимую горечь.

Император опустил веки и бросил взгляд на Цан Нуо:

— Ты и впрямь варвар. В приличном обществе так не говорят... — Вспомнив наглость того прошлой ночью, он вновь решил, что был слишком мягок, и, поджав губы, снова помрачнел.

— Ты сядешь? — Цан Нуо снова похлопал по постели.

Император лишь бросил на него быстрый взгляд и продолжал стоять, не двигаясь.

Цан Нуо поднял руку. Император, решив, что тот вышел из себя, напрягся в ожидании нападения.

— Это... можно оставить мне? — Цан Нуо указал на кинжал, которым сам же был ранен.

— Что?

Отдавать его он, конечно, не хотел, но забрать обратно было непросто. Император приподнял бровь, и Цан Нуо, приняв это за согласие, радостно вытер окровавленное лезвие о простыню и спрятал за пазуху.

— Мне пора, — он встал.

Император, который еще минуту назад мечтал, чтобы тот исчез, внезапно ощутил странную тоску. Он холодно хмыкнул:

— Это Императорский дворец. Думаешь, можешь приходить и уходить когда вздумается?

— Боевым искусствам я учился у людей из вашей Небесной Династии, я лучший из лучших. — Этот принц явно не знал, что такое скромность. Он хлопнул себя по груди: — Твои стражники... для меня нет преград. Ну что, я уйду, у тебя есть что сказать напоследок?

Император растерялся.

Он мог бы закричать, позвать стражу и растерзать его на куски — времени было достаточно. Но как потом справиться с последствиями войны? К тому же, не зная почему, желание убить его уже не было таким сильным, как прошлой ночью.

Но позволить ему просто так уйти у себя на глазах? Что он тогда за правитель? Разве был в истории другой такой правитель, которого насильно принудил мужчина, а он позволил врагу спокойно уйти?

Пока он раздумывал, его тело внезапно окутало тепло — его заключили в сильные объятия.

Император замер, а Цан Нуо, уткнувшись лицом в его шею, пробормотал:

— Чжэн-эр, у тебя такие красивые глаза, но в них слишком много печали. Я не хочу, чтобы, видя тебя во сне, я каждый раз встречал этот взгляд.

Император, ошеломленный объятиями, видел, как тот прижался к нему с выражением обожания, совершенно беззащитный. Император шевельнулся, и еще один кинжал — пара к первому — бесшумно выскользнул из рукава прямо ему в ладонь. Оба кинжала были у него, по одному в каждом рукаве.

Позволив Цан Нуо обнимать себя, Император медленно поднял кинжал и в беспамятстве вонзил его в спину Цан Нуо.

Цан Нуо всегда отличался быстрой реакцией, и Император не рассчитывал на успех, действуя лишь на инстинктах. Цан Нуо, пребывавший в своих мыслях, почувствовал холодный металл слишком поздно.

Кинжал вошел в спину по самую рукоять.

Хлюп...

Сквозь туман донесся звук рвущейся одежды и пронзаемой плоти. Этот звук ударил в уши Императора, словно гром, заставив его вздрогнуть и окончательно прийти в себя.

Опустив глаза, он увидел, что Цан Нуо все еще крепко сжимает его, не в силах разомкнуть объятия. Его щеки подергивались от невыносимой боли, губы были плотно сжаты, но он не издал ни звука.

Император, не в силах прийти в себя, почувствовал, как по рукам течет горячая кровь, и, лишь убедившись, что дело сделано, разжал пальцы.

Высокое тело Цан Нуо обмякло. Опасаясь, что стражники услышат грохот падения, Император подхватил его. Но Цан Нуо был не только высок, но и тяжел, словно камень. Император не удержал его, опустился на колени, поддерживая его верхнюю часть тела, и стал смотреть, жив ли он еще.

Кинжал был вонзен по рукоять, но не задел сердца. Цан Нуо был жив. Криво усмехнувшись, он прохрипел:

— Герои всегда погибают от рук тех, кого любят...

Он запнулся, дыхание стало прерывистым, глаза поплыли вверх, пока не сфокусировались на лице Императора:

— Они все неискренни, только я один... я искренен, а ты... ты не ценишь этого. Люди Небесной Династии такие... такие...

Он замолчал, силы покидали его. Долго и тяжело дыша, он продолжил:

— Мое тело... спрячь хорошо, чтобы отец не узнал. Наша армия... она правда сильнее вашей... А твой нож... у тебя их было два... я такой глупый.

Ему это показалось смешным, из горла вырвался хриплый смешок, но он вызвал лишь новый фонтан крови.

Император обнимал его, его императорское одеяние окрасилось теплой кровью Цан Нуо, слушая его последние наставления.

Кровь была пугающе яркой, точь-в-точь как та, что пролилась, когда Девятый младший брат покончил с собой ради Юлана.

Сердце Императора пронзила невыносимая боль. Он почувствовал, что Цан Нуо в его руках затих, и его охватил первобытный ужас.

Зачем я это сделал?

Зачем?!

Император в панике проверил дыхание — оно еще едва уловимо теплилось.

— Эй! Цан Нуо, Цан... — позвал он, понизив голос.

Цан Нуо, казалось, услышал его, слегка приподняв веки.

Жив.

Напряжение Императора немного спало. Он отстранился от Цан Нуо, боясь задеть рукоять кинжала, уложил его на бок, быстро сорвал с кровати подушки и одеяла, подложив их под него. Только сейчас он осознал, что кроме его мантии, весь пол залит кровью. Если бы он тогда вытащил кинжал, здесь началось бы настоящее кровавое море.

Сердце колотилось в бешеном ритме. Император призвал всю свою выдержку, которую тренировал годами, и с трудом поднялся на ноги.

Сейчас нельзя никого звать. Если Цан Нуо умрет во дворце, как он скроет последствия?

Наверняка здесь есть лекарство.

Он, пошатываясь, подошел к большому шкафу и начал лихорадочно рыться внутри. Аккуратно разложенные вещи летели на пол — в основном подарки из шелка и вышивки.

Отшвырнув еще одно полотно с вышивкой, он заметил маленький белый пузырек. Император схватил его, прочитал «Цзивань» — он уже не помнил, что это за подношение.

На вид — лекарство, поможет ли от ножевого ранения? Лекарства из дворцовой аптеки, какими бы они ни были, вряд ли убьют человека.

В конце концов, жизнь и смерть в руках Небес. Выживет — значит, судьба такая, не выживет — значит, пришло время.

Помедлив, Император подошел к нему, разжал Цан Нуо челюсти и высыпал все содержимое пузырька ему в рот. Видя, что тот не глотает, он не погнушался налить чаю из золотой чаши на столе и напоить его.

Цан Нуо был крепок, к тому же мастер боевых искусств, поэтому от глотка чая он медленно пришел в себя. Видимо, осознав, что Император пытается его спасти, он прошептал:

— Сначала... останови кровь. Не вынимай кинжал, насыпь... насыпь рядом с ним... кровоостанавливающее средство...

Император вспомнил его совет и подумал: «Верно, нужно остановить кровь, почему я такой бестолковый?»

Обежав комнату дважды, он не нашел нужного средства. В отчаянии он увидел на столе маленькую баночку с клеем для каллиграфии — какой-то евнух забыл убрать. Он схватил ее и вылил все содержимое прямо на рану, решив, что это хоть немного закупорит кровь.

Император огляделся по сторонам, схватил пару кусков дорогой парчи, разорвал их, как это делал Цан Нуо, и кое-как перевязал его.

Цан Нуо был тяжелым, рана в спине, кинжал мешал — бинтовать было ужасно трудно. Император за всю жизнь ни за кем не ухаживал, и теперь, закончив с перевязкой, был в поту.

Вдруг раздался голос Цан Нуо:

— Что ты мне дал... что это за лекарство?

Император, услышав его, обернулся и замер.

Лицо Цан Нуо, которое после ранения было блее мела, вновь порозовело, но выражение лица стало странным.

— Что это... за снадобье? — спросил Цан Нуо, стиснув зубы от муки.

Император увидел, что того бьет дрожь, он ворочается, и когда взгляд упал на его нижнюю часть тела, то даже сквозь штаны стало заметно, что там все встало дыбом.

Лицо Императора мгновенно вспыхнуло.

Как это могло оказаться возбуждающим средством?

Проклятье, ну и название у него — «Цзивань»!

Он ведь еще удивлялся, зачем это лекарство стоит здесь... Вероятно, это «забота» Сяо Фуцзы, приготовившего все необходимое для нужд господина.

Императора охватил гнев и стыд, он не знал, что делать, как вдруг его сердце пропустило удар! Снаружи послышались шаги.

— Господин, Министр чинов Жэнь Ань просит о встрече, — раздался за дверью высокий, визгливый голос Сяо Фуцзы.

<http://bllate.org/book/21146/2144235>